

Шеяфетдинова Наталья Александровна

канд. юрид. наук, доцент

Ильягуева Алина Александровна

канд. юрид. наук, доцент

Портная Елизавета Борисовна

канд. социол. наук, доцент

Глобенко Оксана Александровна

канд. юрид. наук, заведующая кафедрой

ФГБОУ ВО «Московский технологический университет»

г. Москва

ПРАВОВАЯ ИНФОРМИРОВАННОСТЬ И МАНИПУЛЯТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИТЕЛЬНО К ПРАВОВОМУ СОЗНАНИЮ

Аннотация: правосознание рассматривается с позиции возможной манипулятивности им, включая вовлеченность в данный процесс правовой информированности.

Ключевые слова: правовое сознание, манипулирование, правовое информирование, формирование правосознания, правовая информация.

Информатизация, сопровождающая процесс развития современного общества, корреспондирует определенные изменения в правосознании. Последнее, включая в себя правовые знания, правовую доктрину, правовые эмоции и прочее в максимальной степени подвержено воздействию информации. Взаимодействие и обусловленность этих категорий состоит в том, что информация влияет на правовое сознание, формируя последнее, при этом и сама информация в содержательный части и в ее подаче зависит от правового сознания субъекта. Тот объем правовой информации, который мы получаем, имплементируется с помощью правового сознания и определяет в дальнейшем нашу модель правового поведения.

Территориальность [5] распространения правовых доктрин не привязана к границам государства, однако подразумевает определенные требования к качеству правовой информации. Прежде всего, важным для правосознания фактором является объем правовой информации. Неполнота и отсутствие правовой информации приводят к девальвации правосознания, поскольку последнему не на что опираться в своей содержательной части. Подобная ситуация порождает правовой информационный вакуум, который может быть заполнен слухами и домыслами, что негативно отразится на дальнейшей правовой действительности. Однако может сложиться и противоположная ситуация, когда субъекта преднамеренно оставляют в неведении, предопределяя соответствующий тип правового поведения. Это в свою очередь выводит на первый план такую категорию как «манипулятивность правосознанием».

«Манипуляция общественным сознанием – один из способов господства и подавления воли людей путем воздействия на них через программирование их поведения» [3, с. 171]. Несмотря на и определенный негатив, возникающий при слове манипуляции, правовая манипулятивность имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К первым следует отнести возможность формирования правосознания субъекта в соответствии с собственными представлениями о правильных правовых ориентирах. Каждое государство в той или иной степени пользуется этой возможностью, что закономерно. В частности, любое государство идеологически ориентирует население на доктрину законопослушания. Данная идеологема является ключевой для суверенитета государственной власти в его внутренней составляющей, что делает позицию манипулируемости востребованной и оправданной. Однако нельзя забывать о возможных неблагоприятных последствиях манипулятивности применительно к правосознанию. Представляется сомнительным оправданность использования подобных технологий в демократических государствах, ориентированных на общечеловеческие ценности. С помощью новых коммуникативных технологий происходит проникновение власти во все сферы жизни общества [6, с. 814]. Практика построения правовой государственности презюмирует примат идеологического и политического

плурализма, что должно в конечном итоге должно привести к формированию зрелого правосознания, наделенного здоровой критичность к происходящим правовым событиям. Знаковым явлением выступает возможность манипулятивности правосознанием, исходящая от организаций, осуществляющих функции государства, что может свидетельствовать об авторитарном режиме.

Переворот в правовом сознании может быть осуществлен и извне, в частности, оппозиционные политические элиты, преследуя свои интересы (далекие от интересов государства), могут манипулировать сознанием граждан через общественные структуры, формируя нигилизм по отношению к существующему праву. Такого рода переориентация правосознания очень опасна для существующего строя. Примером тому могут служить серьезные политико-правовые потрясения в России 1917 г. Не углубляясь в исследование причин последних, следует, однако, упомянуть, что одним из катализаторов октябрьских событий 1917 г., явилось деформированное правосознание, пронизанное недоверием к осуществляющей правовой политике. В этом контексте интересен вопрос об истинности негативных последствий тех правовых преобразований, послуживших подоплекой деформирования правосознания. Не исключена вероятность того что деформационные тенденции проявились на фоне снижения эффективности правовой политики государства. Тем не менее, ввиду подверженности правосознания воздействию извне существует возможность его нигилистической переориентации [7, с. 457] вне зависимости от качества правового регулирования правоотношений. Подобная возможность делает востребованным со стороны государства потенциально манипулируемое правосознание ввиду того, что государство является самым масштабным субъектом по возможностям воздействия на сознание.

В современности манипуляция правосознанием превратилась в систему, действующую эффективно и имеющую четко поставленные цели и задачи [2, с. 8]. Конкурентность в борьбе за воздействие на правосознание максимально проявляется в демократических государствах, ввиду наличия множества политico-правовых сил, борющихся за закрепление в сознании своих правовых идей и ценностей.

Категория манипулятивности и правовой информированности тесно связана с правовой пропагандой, которая является одновременно и целенаправленным процессом и одним из вариантов идеологического воздействия права на общественные отношения, осуществляясь уполномоченными лицами, органами и институтами как в открытой (традиционной), так и скрытой (латентной) формах в отношении интересующего круга лиц и общества в целом, что характеризует ее массовостью адресата и тотальностью при использовании способов и средств воздействия). Цель правовой пропаганды – выработка у адресата (коллективного и индивидуального) определенных моделей правомерного поведения [1, с. 222].

Манипулятивность правового сознания и воздействие на него правовой информированности предполагает учет правовых традиций в правовой идеологии [4, с. 78] Задачи субъекта, воздействующего на правовое сознание, или искренить неугодные правовые традиции, или, воспользовавшись ими, переориентировать правовое сознание.

Акцентируясь на манипулятивности правосознания, нельзя не обратить внимание, на включенность правовой информированности в этот процесс. Последняя выступает краеугольным камнем формирования таких фундаментальных блоков правосознания как правовые знания и правовые идеи. Сущностной чертой процесса правовой информированности, как применительно к манипулированию правосознанием, так и вне этого, выступает не только привитие правовых знаний субъекту, но и его ориентирование на те или иные идейные правовые ценности.

Список литературы

1. Абрамов А.Е. Правовая пропаганда: к проблеме определения понятия / А.Е. Абрамов, С.И. Прохорова // Новая наука: теоретический и практический взгляд. – 2015. – 32 (6). – С. 220–223.
2. Литвинов В.Е. Манипуляция правовым сознанием // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2014. – №13. – С. 7–10.

3. Мингес И.А. Терминология как способ манипулирования общественным правосознанием // Вестник Волгоградской Академии МВД России. – 2015. – №3 (34). – С. 171–174.
4. Михайлов А.М. Правовая традиция и правовая идеология// Правовые традиции. Жидковские чтения: Матер. межд. науч. конф. (Москва, 29–30 марта 2013 г.). – М.: РУДН, 2014. – С. 78–85.
5. Смирнов М.Г. Территория в международном праве: вопросы теории и практики // Глобальный научный потенциал. – 2015. – №4 (49). – С. 149–150.
6. Чеснов И.Л. Правовая политика в ситуации постмодерна // Юридическая техника. – 2015. – №9. – С. 809–817.
7. Шеяфетдинова Н.А. Оптимальность применительно к правосознанию и его адекватности // Современное образование: векторы развития: Матер. межд. науч.-практ. конф. Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (21–22 апреля 2016 г.). Ч. 2. – М.: МПГУ, 2016. – С. 457–459.